И обыкновенно преступники могутъ имѣть свои добродѣтели. Призовемъ опять нашего просвѣщеннаго свидѣтеля, мистера Льюиса. Онъ говоритъ, что смотритъ на нѣкоторыхъ преступниковъ, какъ на богатырей земли, передъ которыми онъ готовъ почтительно склониться, какъ передъ людьми, дѣйствительно обладающими превосходствомъ надъ остальнымъ человѣчествомъ. «Я знаю,—говоритъ онъ,—что мое существованіе не приведетъ къ такому героическому дѣлу, какъ дѣло того человѣка, который подъ ужаснымъ бременемъ наслѣдственнаго униженія и накопившагося стыда достигъ все-таки побѣды надъ собою, поборолъ свою страсть, восторжествовалъ надъ своимъ собственнымъ прошлымъ и надъ предразсудками общества, относящагося къ нему съ недовѣріемъ и презрѣніемъ».

«Условное осужденіе» и система попечительства въ рукахъ такихъ людей, какъ мистеръ Льюисъ, были бы, конечно, большимъ шагомъ впередъ въ вѣрномъ направленіи, и онъ утверждаетъ, что гдѣ они ни употреблялись, они всегда блистательно удавались. Преступникъ, подобно ребенку, долженъ учиться въ обществѣ, а не въ школѣ, которая отгораживаетъ его отъ дѣйствительной жизни; оставаясь на свободѣ, онъ могъ бы находиться подъ надзоромъ такихъ обществъ, какъ «Prison Association» или «Армія спасенія».

Само общество въ широкой мѣрѣ отвѣтственно за преступленіе, совершонное внутри его. Мы забываемъ про солидарность общества, про то, что мы члены другъ друга, и что мы являемся молчаливыми участниками въ преступленіяхъ нашихъ ближнихъ. Преступникъ виновенъ передъ обществомъ, но и общество виновно предъ преступникомъ: оно сдѣлало или допустило его сдѣлаться таковымъ, оно поставило его въ неправильныя условія, оно недостаточно просвѣтило его.

«Каждый, изучавшій нашу уголовную статистику, прекрасно знаетъ то, что классъ преступниковъ является изъ поколѣнія въ поколѣніе постояннымъ продуктомъ нашего